

СКАЗАНИЯ АРАМАНА

УВЕРТЮРА

ЦИКЛ:

CRITICAL ROLE:
ЧЕТВЕРТАЯ КАМПАНИЯ

Лев Чернухин

Сказания Арамана. Увертюра

<https://litres.ru/74176114>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Увертюра» великой саги Арамана начинается здесь. Семьдесят лет назад пали творцы — семеро повелителей творения, обрекших своих детей на вечную погибель во тьме. Смертные свергли богов, но сегодня в тени грядущей революции в Арамане снова сгущается мрачная сила.

Завязка истории переносит нас в мегаполис Дол-Макьяр. Легендарный воитель Тъязи Фанг — герой для многих и враг для единиц — приговорен к немедленной казни. Это событие запускает цепную реакцию, которая навсегда изменит судьбу расколотого мира. Разрозненные люди, связанные с прошлым осужденного, вынуждены объединиться, чтобы раскрыть правду, стоящую за этим мрачным приговором.

Нам предстоит заглянуть в самые мрачные закоулки Арамана и пройти по лезвию ножа вместе с героями. Способны ли обычные смертные вершить великие дела, когда старые небеса пусты, а на пустую корону творцов уже занесена рука?

Грядет время великих перемен.

Содержание

Глава 1. Гибель Тязи Фэнга	4
Глава 2. Дом Фэнгов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сказания Арамана.

Увертюра

Глава 1. Гибель Тъязи Фэнга

Серый камень Дол-Макьяра впитывал утреннюю мглу, гордо возвышаясь стеной на восточной границе земли, известной как Кахад. Двадцать пять метров в высоту — таков был рост Стражей, героев Войны Создателей, чьи торсы вырастали прямо из скальной породы, из самого нутра гор Кавроса, чтобы веками держать их на почтительном расстоянии. Под их руками покоилось основание этой массивной стены. Орк и дворф, эльф и человек, полурослик, гном, звероподобный — все они застыли в граните как герои революции, ныне угасающие из людской памяти. В благородных чертах героев жила надежда — та самая, которую время уже начало стирать, но не из камня.

В последние дни небо над Кахадом почти не прояснялось. В этот пасмурный день, когда над рекой Врош поднимался туман — густой, с привкусом железа, мокрой земли и далёкого дыма, — стая сорок с чёрными крыльями и белыми грудками всполошилась в небе, перелетая через ручей. Резкие птичьи крики разрезали тишину. Стена Стражей, как и

большая часть Дол-Макьяра, была местом, посвящённым героизму, братству, борьбе смертного мира за более светлый день. И именно здесь, под её сенью, возвели эшафот. Доски пахли свежей смолой и чем-то ещё — тем особым, мерзким запахом, который знает каждый, кто хоть раз бывал на казни. Туда, к виселице, вели Тъязи Фэнга. Город пробуждался вокруг — высокие башни Дол-Макьяра спускались по реке Врош ступень за ступенью, сбегая с гор, словно каменная лестница великанов.

В толпе, плечом к плечу с простыми горожанами, стоял Халандил Фэнг — или просто Хал. Немолодой орк с тёмными волосами, в которых прядями проступала седина, и глубокими морщинками у глаз от улыбок — следами жизни, прожитой ярко и полно, жизни, полной слов, музыки и побед. Одет в добротную, но не кричащую одежду, когда-то вполне изящную, с тонкой вышивкой у ворота, которую он сам выбирал много лет назад. Хал пытался держаться прямо, сохранить тот дух, что нёс его сквозь годы, но в это утро, под серым небом, это давалось ему чертовски тяжело. Пальцы невольно сжимали край плаща, костяшки побелели, а в груди, там, где обычно жил ритм бардовских песен, теперь билась глухая, заставляющая глотать воздух с тяжестью, тревога.

Из-за стены, сопровождаемый лязгом колёс и тяжёлым, мерным топотом, выехал фургон. Вокруг него маршировали

солдаты Расколотых Домов. На табардах эскорта горели гербы Такхонис, Халовар, Ройс, Эйнфасен и Коромэ — каждый шов, каждая эмблема, каждая заклёпка говорили о власти и порядке. Охраны выделили столько, словно в закованном железом фургоне везли легендарного зверя, вырвавшегося из самой бездны.

Но внутри сидел всего один мужчина.

Фургон дёрнулся и остановился у небольшого помоста с деревянной лестницей. У подножия эшафота, не отрывая взгляда от приближающейся повозки, стоял Азунэ Найр.

Человек по облику, метр восемьдесят ростом — и ни единого сомнения в том, кто здесь главный. Азунэ возвышался не ростом, а той особой, непоколебимой горделивой осанкой, которая заставляла людей смотреть на него снизу вверх, даже если они были выше. Внутренняя гордость возносила его выше роста. Сильный, поджарый, мускулистый, он носил полные доспехи Революционной Гвардии, как и подобало его положению Арканного Маршала. Руки обнажены, и на правом бицепсе чернела татуировка, ставшая личным обетом, выжженная на коже навсегда: «Яви милость к тем, кого я посылаю». Смуглая кожа, медно-каштановые волосы, собранные в тугую косу, родимое пятно, расплетшееся по правой стороне шеи, захватившее щёку и лоб вокруг глаза, словно метка древнего бога. Но больше всего завораживали его глаза — цвета заката над океаном: нижняя половина радужки глубокого синего цвета, центр — жёлтый, как солнце, вспы-

хивающий оранжевым, затем переходящий в бирюзовый и уходящий в светло-серую дымку. Глаза, в которых, казалось, отражалась вся красота и вся жестокость мира.

Дверь фургона распахнулась с грохотом. Солдаты Дома Тахонис выволокли фигуру из тени.

Тъязи Фэнг — красивый орк, несмотря на синяк под глазом, свидетельствовавший о дерзости или легкомыслии перед лицом стражи, и спутанные волосы, в которых застряли соломинки и пыль тюремной камеры. На клыкастом лице играла широкая, наглая ухмылка — та самая, за которую его когда-то любили, и за которую теперь вели на смерть. Грязный плащ, старые сапоги — все вещи, разумеется, конфисковали, но он шёл в кандалах так, словно выгуливал собственную тень, словно весь мир был его сценой, а эта казнь — всего лишь очередной акт в пьесе, которую он давно выучил наизусть. Мужчина, за которым когда-то Азуне и остальные шли в бой. Тот, кто вёл вперёд, когда все остальные бежали.

Тъязи поднял голову и посмотрел на Азунэ.

— Только не ты, — прохрипел орк, и возглас выдался хриплым, с надрывом, с той особой хрипотцой, которая появляется у тех, кто слишком долго кричал в темноте или слишком долго смеялся над смертью. — Кто угодно, только не ты.

Азунэ невозмутимо поднял руку, останавливая конвой.

Движением коротким, властным, не терпящим возражений.

— Я — Арканный Маршал, назначенный для проверки пленника на наличие магии, — громко, для стражи, произнёс он. Голос лился ровно, спокойно, но внутри, за этой маской профессионализма, бушевала буря.

Ладонь вверх. Палец начал обводить круг в воздухе, и вокруг кожи заструилась едва заметная дымка — начало древнего ритуала, которым пользуются, когда хотят увидеть невидимое. Но Азунэ не стал тратить время на долгие слова и жесты. Лишь резко направил пальцы на Тъязи, и из его ладони хлынула сила — быстрая, почти мгновенная, словно он вырвал саму суть заклинания из воздуха и вложил ту в один-единственный удар. Восходящий поток ветра взметнул пыль у его ног, и от Маршала разошлась невидимая пульсация, пронизывающая пространство вокруг пленника, словно круги на воде.

Но сначала, скрытый от глаз невежественных в тайных искусствах стражей, Азунэ активировал Послание. Его разум коснулся разума орка в кандалах — тонкая, почти неосязаемая нить, натянутая между ними, как струна перед ударом.

Тъязи моргнул.

— О.

Азунэ внимательно смотрел в лицо друга, читая каждую морщинку, каждую тень.

«Тъязи, я могу купить нам пару мгновений. Если тебе есть что сказать кому-то и ты хочешь, чтобы я передал — сейчас

самое время».

Тъязи ухмыльнулся, и мысленно прозвучал беспечный, почти мальчишеский голос: «Всё, что мне нужно кому-то сказать, я могу сказать сам».

Азунэ не дрогнул. Он видел ту самую искру в глазах осуждённого — ту самую, за которую того когда-то называли безумцем, а теперь вели на виселицу.

«Сейчас я проверю тебя на арканый остаток. Я надеюсь, что найду его. Сегодня кто-то прикрепил к тебе объект. Защиту. Смотри внимательно, когда я закончу. Если я почувствую её, то кивну, а затем покажу, где она. Метка хрупкая, легко ломается. Достаточно совсем небольшого давления — и это станет тем самым, что унесёт тебя отсюда».

«Понял», — отозвался Тъязи, и в мысленном голосе впервые прозвучала не насмешка, а что-то другое — что-то тихое, почти нежное.

«Последнее. Послание от твоего брата», — Азунэ сделал паузу, чувствуя, как в горле что-то сжимается, как ком подступает к самому сердцу. «Хал говорит, что он здесь, с тобой до самого конца. И что ты всегда был героем в его глазах».

Тъязи на мгновение замер. Широкая ухмылка стала мягче, почти грустной, и в этот миг он показался Азунэ старше, мудрее, ближе, чем когда-либо.

«Что ж, это делает героем только одного из нас. Не думаю, что мне доведётся увидеть братишку снова после сегодняшнего дня. Верно? То есть, вы, ребята, вызволяете меня отсю-

да. А у меня не получится».

«Тьязи, — мысленно перебил Азунэ, и в интонациях зазвенела та самая сталь, что держала его самого на ногах всё это время, — ты зажжёг так много огней за свои годы. И они до сих пор горят».

Пульсация магии прошла сквозь пленника насквозь, и Азунэ увидел то, что искал: в задней части грязного плаща, совсем рядом с закованными в кандалы руками, вспыхнул слабый, но отчётливый ореол — переливчатый, как масло на воде, с оттенками вызова и иллюзии. Достаточно хитрости, чтобы Тьязи Фэнг мог совершить свой последний, отчаянный побег. Азунэ отступил на шаг. Молча кивнул, затем повернулся спиной, заложив руку за пояс так, чтобы Тьязи мог увидеть, как его пальцы указывают на спину, на подкладку плаща.

Тьязи кивнул в ответ. В последние мгновения, пока магическая нить ещё держала их разум в связке, он встретился взглядом с Азунэ, и в этом взгляде было всё — и благодарность, и прощание, и та самая искра, что не гасла даже перед лицом смерти.

«Я знаю, тебе придётся остаться здесь. Прости за то расстояние, что я держал между нами. Надеюсь, все те огни, что я зажжёг, стоили того. Убедись, что ты тоже зажжёшь свои, когда придёт время».

Связь прервалась, словно оборванная струна. Тьязи двинулся к виселице. В шагах появилась лёгкость, почти пружинистость.

жинистая походка — та самая, с которой он когда-то вёл их в самые безнадёжные бои. Пленник прошёл сквозь дверь на эшафот, и толпа, собравшаяся на площади, впервые увидела его в упор.

Отовсюду, из сотен глоток, вырвался одобрителный гул, перерастающий в ликование. Народ любил его. Женщины плакали, мужчины сжимали кулаки, дети смотрели на него так, словно перед ними герой из сказок. Но лорды и леди Расколотых Домов, сидящие в небесных ложах на балконах, прямо у плеч каменных исполинов, предвкушали грядущий момент. Взвились трубы — резкие, пронзительные, — пытаюсь заглушить этот крамольный шум.

Азунэ заметил, как Тьязи ищет кого-то взглядом в толпе. И увидел Хала.

Хал поднял руку, отвечая на этот безмолвный взгляд. Тьязи кивнул.

И тут шагнул вперёд герольд Дома Тахонис. Глашатай развернул свиток, и голос — глубокий, звонкий, резкий и жёсткий, как удар меча о щит, — загрохотал над площадью, разрезая воздух, заставляя камни вибрировать:

— Посему, приговорённый к смерти по авторитету Палаты Лордов-Консультантов при Революционном Совете, предатель, арканист и убийца Тьязи Фэнг будет предан смерти! Его преступления: осквернение тайных искусств, воровство, мошенничество, убийство и подстрекательство против благоденствий города и его народа!

При последних словах по толпе прошёл нервный шорох, словно ветер по сухой траве.

Но тут поднялась другая фигура — пожилая женщина в белых одеждах, матриарх Дома Халовар, Фотарх Сияющего Кредо. Женский голос — скрипучий, высокий, старческий, но при этом возвышенный, почти неземной, словно она говорила не с людьми, а с самими богами, — прозвенел над площадью:

— Пусть свет сияет, — произнесла матриарх, и каждое слово падало, как капля воска на холодный мрамор. — И пусть мир вернётся в этот благословенный город и его героическое наследие.

Пока она говорила, Тязи повернул голову и снова нашёл в толпе брата.

Внутри Хала поднималась тошнотворная дрожь. Его взгляд невольно, судорожно метнулся по открытому пространству, ища хоть какой-то знак, хоть чьё-то движение. Он неделями вёл закулисные игры, умолял, торговался, давил на жалость и гордость, обещал, клялся, целовал кольца тех, кого презирал. Неужели всё впустую? Неужели никто не вмешается?

Но Хал заставил себя остановиться. Не мог позволить брату увидеть этот страх, не мог позволить этим последним мгновениям стать отравленными паникой. Хал был мастером слов, бардом, для которого язык — оружие и щит. Но

сейчас, глядя на брата, он не мог подобрать ни единого слова. И это молчание казалось страшнее любой казни.

Тъязи смотрел на него и улыбался. Легонько покачал головой. Расстояние между ними слишком велико, чтобы слышать друг друга сквозь проповедь Фотарха Сияющего Кредо, но Хал видел, как губы брата шевелятся, складываясь в слова. Хал читал по губам, и абсурдность происходящего заставляла сердце одновременно разрываться и сжиматься от любви.

«Что ты будешь делать на обед после этого? — читал Хал по губам брата. — Что? Ты даже поминоку не организовал? Тебе что, на меня наплевать? Если я не увижу тебя еще долгое время... знай, ты мой герой. И я...»

Внезапно глаза Тъязи расширились. Взгляд метнулся вверх, в серое, свинцовое небо, и озорное лицо изменилось — маска беспечности спала, уступив место чему-то тёмному, чему-то ужасному. В его глазах отразилась паника.

И тогда произошло нечто, что не поддаётся обычному объяснению.

В этот миг что-то щёлкнуло в сознании Хала — не просто щёлкнуло, а разорвалось, словно невидимая ткань мира треснула по шву. Бардовская магия вскипела с такой силой, что он соединился с братом и смог слышать его голос. Магия дремала прежде в крови, но теперь разрослась, наполнила каждую клетку тела, откликнувшись на остаточное эхо заклинания Послание Азунэ, всё ещё висевшее в возду-

хе между ними, словно невидимая нить, натянутая до предела. Мир на мгновение замер. Шум толпы, пронзительные трубы, скрипучий голос Фотарха — всё это ушло на второй план, растворилось, исчезло, словно и не было никогда. И Хал услышал голос брата прямо у себя в голове — не мысленно, а так ясно, так отчётливо, словно Тязи стоял рядом и шептал ему на ухо, касаясь губами виска.

Это было чудо — то самое, о котором поют барды, когда хотят рассказать о связи, что сильнее смерти. Мгновение, когда сама магия, ещё помнящая прикосновение Азунэ, решила, что эти двое не имеют права расстаться молча.

Он увидел в глазах Тязи панику. Там, в небе. Что-то ужасное. Что-то, чего Хал ещё не видел, но уже почувствовал всем телом.

«Нет, нет», — мысленно простонал Тязи, и мысленный голос брата срывался на крик, слова глотались, торопились, сталкивались друг с другом, как камни в горном обвале. «Ты... ты должен... Мюррей. Ты должен помочь Мюррей. Пентеверал... ты должен помочь ей. Там ждут краски... вместе с Болэйром. Я не могу, ты должен...»

— У тебя есть последние слова, Тязи Фэнг? — прогремел вопрос с помоста. Голос палача оказался манерный, холодный, почти театральный, с той особой интонацией, которая бывает у людей, слишком долго играющих роль, — словно палач читал заученный текст, не обращая внимания на панику в глазах осуждённого, словно для него это был просто

ещё один день, ещё одна казнь, ещё одна галочка в списке.

Тьязи понял, что больше не может говорить мысленно, пока палач держит руку на рычаге. Опять посмотрел на Хала, затем выпрямился, и в этот миг стал выше, чем Стражи, высеченные в камне, выше, чем сам Дол-Макьяр. Осуждённый обратился к толпе, и его голос зазвенел над площадью, полный яда и несломленной гордости, хриплый, но громкий, как гром перед бурей:

— Лживая власть, что ныне обрекает меня на смерть, падёт! Я сожалею лишь о том, что пропущу славное празднество, когда вашей клевете и разрушению придёт конец!

Он снова перевёл взгляд на Хала. В голове брата прозвучало последнее, тихое и ясное, как удар колокола в пустом храме: «Передай Тимбл, чтобы не боялась».

Тьязи посмотрел в небо, туда, где сгущалась неведомая угроза, и крикнул во всё горло, бросая вызов самому небу, самим богам, самой смерти:

— Я всё ещё слышу крик сокола!

Раздался тяжёлый скрежет дерева. Рычаг упал.

«Передай ей, что я...»

Верёвка натянулась до предела.

Раздался сухой, хрустящий щелчок.

Тело дёрнулось и замерло. Толпа ахнула — единым, страшным, протяжным звуком, но Хал уже не слышал этого. Он смотрел на безжизненно повисшую фигуру брата, и серый туман Дол-Макьяра внезапно стал невыносимо густым,

словно сама земля оплакивала того, кто всегда шёл впереди, зажигая огни, которые теперь предстояло нести другим.

Глава 2. Дом Фэнгов

Район на восточной окраине Дол-Макьяра, известный как Воронье Гнездо, жил своей особой, шумной и пёстрой жизнью. Место получило своё название не из-за птиц, хотя их здесь было предостаточно, а из-за бесчисленных насестов и голубятен, теснившихся на каждом карнизе, на каждом подоконнике. Это был район башен и небесных мостов, причудливых конических крыш, крытых черепицей внахлёст, словно лоскутное одеяло, сшитое руками нескольких поколений. И пусть эти башни тянулись к небу, их пёстрая, местами обшарпанная черепица ясно говорила путнику: здесь не живут лорды и леди. Это было пристанище поэтов и актёров, шутов и бардов, тех, кто создаёт песни и музыку, тех, для кого небо — не собственность, а сцена.

Стая сорок сновала туда-сюда между шпилями, чёрно-белые крылья птиц мелькали, как клочки нотной бумаги на ветру. И лишь одно могло показаться странным для чужеземца: на многих плоских крышах стояли небольшие группы стульев, и все они, словно по негласному уговору, обращались в одну сторону — вниз, к реке Врош, где у подножия холма располагалась районная академия. Именно здесь, в этом месте, где сказители, певцы и барды всех мастей оттачивали своё мастерство с незапамятных времён, билось

культурное сердце города. Каждый вечер, когда свет угасал, эти стулья заполнялись зрителями, слушавшими истории, что рождались на сцене внизу.

На вершине холма, среди кластера уютных домов, притаился дом Хала. Не самый большой, и не стоящий на самом пике, но из окон открывался вид на реку и на театр у подножия — место, где Хал проводил большую часть своих дней. Этот район делал барда счастливым. Это был его дом, его сердце, его жизнь, начатая на этих самых мощёных улочках, пропитанная запахом канифоли, старых книг и речного тумана.

Дом был скромным, но просторным. На первом этаже располагалась большая приветственная комната, предназначенная для шумных сборищ — с длинным столом, который помнил сотни ужинов, сотни смеха и споров, сотни историй, рассказанных за вином. Хала никто не называл бы орком глубоких карманов, но жил он счастливо и комфортно, и двери дома всегда открывались для гостей — семьи и друзей, родственников и странников, которые останавливались здесь на ночлег. Но сейчас, в этот серый день, просторные комнаты казались пугающе пустыми. Тишина в них стояла неестественная, та, что бывает только там, где кто-то ушёл и больше не вернётся.

На втором этаже, в задней комнате, обычно царил творческий хаос. Столы завалены бумагами и свитками, стены утопали в книгах, на подставках стояли музыкальные инстру-

менты — лютни, флейты, маленький барабан, покрытый пылью. Повсюду валялись песни в стадии написания, наполовину сочинённые строфы, черновики с зачёркнутыми строками и пометками на полях. Всё здесь было работой в процессе. Как и сама жизнь Хала. Но сегодня ни одно перо не коснулось бумаги. Ни одна струна не дрогнула.

Оглушённый горем, Хал бродил по дому, пока не увидел её. Свою юную дочь, Шадию. На печальном лице ещё не высохли следы слёз — тонкие, блестящие дорожки, прорезавшие пыль на щеках. Она вытерла нос рукавом и, словно в трансе, продолжала накрывать на стол, готовя дом к Фарраму — орочьему обряду поминовения. По обычаям Кахада, траур начинался в день смерти или как можно скорее после неё, и тело покойного выставлялось в главном зале, чтобы близкие могли проститься, оплакать и отпустить.

Шадия ещё никогда не прощалась ни с кем по-настоящему. Она расставляла тарелки и приборы машинально, как для обычного большого семейного ужина, как делала это сотни раз прежде. Руки двигались сами, по памяти: вилка слева, нож справа, кубок у верхнего края. Хал смотрел на этот стол и знал: именно здесь, на этом самом месте, между окном и стеной, увешанной портретами, сегодня будет лежать Тъязи.

Хал подошёл, мягко накрыл своей большой ладонью её запястье и осторожно опустил тарелку обратно на стол.

— Пойдём, пойдём, — произнёс тихонько.

Шадия всхлипнула, и Хал обнял её, прижав к себе, позволяя себе минуту тихого, общего горя. Она была такой маленькой в его руках — его девочка, его кровь, его песня, которую он ещё не успел допеть.

— Я знаю, — шептал он, чувствуя, как плечи дочки дрожат под его ладонями. — Я знаю. Я тоже там, с тобой. Но сейчас время опереться на семью. Обопрись на мать, на сестру. Они скоро будут. Плакать — это нормально. Всегда. Я люблю тебя. И дядя тоже любил. Это мы и будем помнить.

— Я люблю тебя, папа, — прошептала она в ответ, уткнувшись ему в грудь. — Жаль, что Алогара нет здесь. Я послала к нему птиц, но он не... Я просто... — голос её дрогнул и оборвался.

Алогар, старший сын семьи Хала, обучавшийся боевым искусствам у Сира Джулиана, вассала дома Аранессы, всегда держался немного в стороне от семейного очага. Но сейчас, в этот день, отсутствие первенца резало, как незаживающая рана.

— Я просто хотела бы...

В этот момент раздался стук в дверь — тяжёлый, уверенный, знакомый.

На пороге стоял Олгуд Акарат, пожилой орк, деловой партнёр Хала и один из тех немногих мужчин, на которых можно было положиться, когда мир рушился. Лицо орка изрезали морщинами, а в глазах стояла та же боль, что и у всех,

кто знал Тязи.

— Заходи, Олгуд, — позвал Хал, и мужчины обменялись крепким объятием, хлопнув друг друга по спине так, что эхо разнеслось по прихожей, словно выстрел.

— Я думал, что на... — начал Олгуд хрипло, но Хал перебил его:

— Ты и я. Две недели. Две недели я уговаривал Дом Ройс. Аранесса... — имя повисло в воздухе, горькое и несказанное.

— Она придёт сегодня? Она обязана, — напрягся Олгуд, и в его голосе прозвучала сталь.

— Я надеялся, что она «придёт» немного раньше, — горько усмехнулся Хал.

— Ох, блин, — Олгуд виновато поёжился и протянул свёрток, неловко переминаясь с ноги на ногу. — Я... ну... принёс клюквенные рулетики и цветы.

— Правильно, правильно. Шадия, возьми, — Хал кивнул дочери, которая уже подошла, здороваясь с «дядей Олгудом» — не родным, но по духу таким близким, что кровь и не нужна. — Люди скоро будут. Может, поможешь нам? Встретить гостей?

— Да, я буду направлять поток, — кивнул Олгуд, оглядывая прихожую, словно оценивая поле боя. — Мы же знаем, сколько друзей Тязи...

— Думаю да, изрядное количество, — вздохнул Хал. — Мой брат сунул свой нос во многие дела.

— Ещё бы, — хмыкнул Олгуд, и в словах проскользнула гордость, смешанная с тревогой. — Герой Восстания Сокольника, герой для нас всех..., но он знал некоторых... таких, чьи имена лучше не произносить вслух. Ладно, я просто буду следить за дверью.

Тем временем, поднимаясь по мощёной улице на холм, к дому Фэнгов приближались двое. Они шли бок о бок, но казались существами из совершенно разных миров — и тем не менее, связанными чем-то глубоким, незримым, нерушимым.

Таиша Ллой была высокой для орчихи — почти два метра чистой, дикой, необузданной силы. Её кожа имела приглушённый, серовато-зелёный оттенок, словно кора старого вяза, а длинные тёмные кудри, уже тронутые благородной сединой, падали на плечи, как корни, тянущиеся к земле. Однако друидическая связь с природой сохраняла лицо орчихи молодым, лет на тридцать пять, хотя в движениях уже чувствовалась вековая усталость леса, видевшего слишком много зим. Глаза казались совершенно чёрными — и склеры, и зрачки, — но радужка сияла серебром с тонким красным кольцом, как лунный свет на крови. Кончики длинных пальцев окрашивали красно-чёрные тона, словно орчиха только что вырвала сердце из земли.

Она носила цвета своего рода Ллой — цвет крови, сажи и кузнечной окалины. Но в отличие от лордов и леди, чьи геральдические одежды были сотканы из шёлка и бархата, Та-

иша одевалась в кожу, грубую домотканую ткань и элементы меха, подчеркивающими глубокую, первобытную связь со Старым Путём. Каждая складка её одежды, каждый шов говорили о том, что эта женщина черпает силу не из замков и не из свитков, а из самой земли, из корней, из крови мира. Её руки, привыкшие плести заклинания из потоков природной энергии, сейчас нервно сжимались и разжимались. Идущая наклонилась вперёд, устанавливая напряжённый зрительный контакт со своим спутником, и прошептала в панике:

— Он должен был быть там. Всё должно было пойти по плану. Нам просто нужно понять, что пошло не так.

Рядом с ней шёл Окчис Такхонис — утончённый представитель высшей знати Дол-Макьяра. Само его появление на этой улице, в этом районе, выглядело актом невероятно-го мужества или откровенного безумия. Окчис принадлежал к Дому Такхонис — одному из Расколотых Домов. К тому самому, чьи солдаты сегодня утром вели Тязи на эшафот, чьи гербы горели на табардах стражи, чья печать стояла на смертном приговоре. И всё же он шёл сюда.

Даже в поношенной, но безупречно скроенной тёмной одежде с едва заметными геральдическими элементами, в нём читалась аристократическая порода. Тонкий, с тёмными волосами и светлой оливковой кожей, он сохранял ту царственную осанку, что веками культивировалась в залах Расколотых Домов. Чётко очерченные черты лица, прямой нос, точёный подбородок — во всём застыли ум, расчётливость и

лёгкое, почти неуловимое высокомерие. Наряд глубоких тонов — цвета ночного неба и запёкшейся крови — был практичен для путешествий и скрытных миссий, но качество ткани и крой по-прежнему выдавали высокое происхождение. На поясе висело множество странных инструментов, а к ноге был приторочен увесистый том в кожаном переплёте — гримуар, который он носил так же бережно, как другие носят меч.

Но больше всего в нём пугало иное. Его глаза — под стеклянной пеленой взгляда теплился их природный зелёный цвет. Октис смотрел в никуда, не моргая, словно застывшая маска. В движениях человека сквозила механическая, марионеточная отстранённость: плавные, экономные жест с грацией, больше похожие на выверенный алгоритм. Голос звучал глухо и отстранённо, словно из глубокого колодца, абсолютно лишённый всякой живости. А на его плече, перебирая лапками, сидел маленький лисёнок — в основном белый, но с одной чужой лапой и глазами, похожими на мёртвые фиолетовые пуговицы.

— Я не знаю, — глухо полушепотом ответил Октис, и в его голосе не слышалось ни суеты, ни паники — только пустота. — Это не то, что должно было случиться.

— Очевидно, нам нужно поговорить с Азунэ и Тимбл, — бормотала Таиша, активно жестикулируя, словно руки пытались сплести заклинание из самого воздуха. — Ты в поряд-

ке?

— Я в порядке, — механически ответил Октис. Его поза оставалась безупречной — даже сейчас, он не мог позволить себе сгорбиться. — Я никогда раньше не делал ничего подобного.

— Всё хорошо, — вздохнула Таиша, и в словах прозвучала природная сила, та самая, что удерживала корни деревьев в земле во время бури. — Обычно всё проходит лучше, чем это.

Хал услышал их голоса ещё на подходе. Бард прислонился к дверному косяку, пытаясь изобразить приветливую улыбку, но губы не слушались. Когда Таиша увидела его лицо — лицо, так пугающе похожее на лицо погибшего друга, лицо мужчины, которого она когда-то любила, лицо отца её детей, — вся её собранность, вся её друидическая стойкость, вся броня, которую друидка носила годами, рухнула в одно мгновение. Вся боль, вся ярость от провала плана ударила в неё, как молния в сухое дерево.

— Ну, ты прямо бальзам для моих глаз, — тихо сказал Хал.

Таиша рухнула в родные объятия, уткнувшись лицом в его плечо, жадно вдыхая знакомый запах — запах канифоли, старых книг, речного тумана и чего-то ещё, что было только его. Сколько лет прошло? Пять? Десять? А казалось, будто и не существовало этого долгого, пустого промежутка. Того времени, когда зов Старого Пути и шёпот дикой природы

пересилили всё остальное, и она ушла, оставив Хала одного поднимать их общих детей. Будто и не было того времени, пока он учился жить без неё, находил утешение в новой любви и растил ещё одну дочь от другой. Сейчас, в этот миг, все эти обиды, километры и чужие жизни стирались, оставляя лишь тепло его рук и боль общей утраты.

Хал замер, и крепкое тело предательски дрогнуло — всего на секунду, но этого хватило, чтобы Таиша почувствовала, как глубоко рана. Он попытался слегка отстраниться, повинувшись приличиям, но она вцепилась в него ещё крепче, её пальцы с красно-чёрными кончиками впились в ткань его плаща, как корни.

И тогда из неё вырвалась магия.

Таиша не произносила слов, не чертила кругов, не вздымала рук к небу. Это был чистый, неконтролируемый всплеск друидической силы, рождённый из горя, которое не помещалось в орочьем теле. Земля под их ногами отозвалась — негромко, глубоко, как вздох спящего великана. В радиусе полумили от этого крыльца растения вмиг стали сочнее, зелёнее, листья развернулись, стебли вытянулись, почки распустились. А дикая жасминовая лоза, оплетавшая окна дома Фэнгов, внезапно расцвела — вся, разом, сотнями белых звёздочек, наполнив воздух густым, сладким, почти невыносимым ароматом. Бессознательное благословение Таиши — Обогащение, дар жизни в день смерти, наложенный на это место на целый год вперёд.

Хал положил руку ей на щёку, стирая слёзы большим пальцем.

— Прости, — рыдала она, и её голос, обычно такой уверенный и властный, теперь дрожал, как лист на ветру. — Мы должны были... Я не знаю, что случилось. Мы должны были вытащить его из города и...

— Пойдём, — мягко перебил её Хал. — Твоя дочь нуждается в тебе.

Они вошли в дом, где каждый угол был знаком Таише, хотя она не переступала этот порог уже много лет. Здесь ничего не изменилось, и изменилось всё. Те же половицы, тот же запах, те же тени — но без Тязи эти стены казались декорациями к пьесе, которую больше никогда не поставят.

Шадия, красивая юная орчиха в бриджах с арлекинским узором, готовившаяся пойти по стопам отца-артиста, обернулась и шмыгнула носом, почувствовав запах жасмина ещё до того, как увидела мать.

— Привет, мама, — выдохнула она, бросаясь к ней в объятия.

— Привет, малыш. Ты в порядке? — Таиша прижала дочь к себе, и на мгновение её чёрные глаза, окаймлённые серебряной радужкой, закрылись, словно она пыталась запомнить этот момент навсегда.

— Плохие вещи становятся лучше, когда мы вместе, — прошептала Шадия, и эти слова, такие простые, такие детские, ударили в самое сердце.

Таиша глубоко вздохнула, пытаясь собрать себя из осколков, и представила своего спутника.

— Это Октис.

— О, привет. Добро пожаловать в мой дом, — Хал кивнул, изучая молодого мужчину. Даже в поношенных одеждах, даже со стеклянными глазами, Октис Такхонис нёс на себе печать благородного дома — того самого, чьи гербы сегодня утром сияли над виселицей. Но Хал не стал спрашивать. Не сейчас. — Октис, значит?

— Да. Октис, — Голос прозвучал ровно, почти безупречно вежливо, но с отстранённостью, выдающей человека, прошедшего через нечто, после чего мир уже никогда не кажется прежним.

— А это моя дочь, Шадия.

— Привет, Шадия, — Октис моргнул — медленно, неестественно медленно, — наконец оторвав взгляд от пустоты.

— Привет. Октис, приятно познакомиться. Я Шадия, — девочка приподняла бровь, изучая его с той проницательностью, которая бывает только у артистов и у детей. — Ты помогаешь с... — она указала рукой на стол, на Фаррам. — Ты из «Старого Пути»?

Октис поморщился — пожалуй, самая живая эмоция, что он проявил за весь день.

— Я определённо не из «Старого Пути». Я просто друг, — он сделал паузу, и его руки, вместо того чтобы, как прежде,

элегантно покоемся на эфесе, нервно дёрнулись. — Я... я тоже знал его.

— О, ну, все знали дядю Тязи, — кивнула Шадия, и в её голосе проскользнула гордость. — Но ты знал его лично?

— Он... помог мне, когда я был ребёнком, — тихо сказал Октис, и бархатистый голос на мгновение треснул, как старый пергамент.

— Дядя и мне помогал, — улыбнулась Шадия, и эта улыбка, так похожая на улыбку Тязи, заставила Таишу отвернуться.

— Ты и так всё ещё ребёнок, — устало вставила Таиша.

— Я не ребёнок, — огрызнулся Октис, и в возмущении на секунду мелькнула та сталь, что когда-то делала его опасным собеседником в залах Разрушенных Домов.

— Ты голоден? — спросила Шадия, мгновенно переключаясь, как настоящая хозяйка. — У нас больше холодного мяса, чем догадок, что с ним делать. Пожалуйста, помоги нам с ним разобраться.

— Д-да, конечно, — пробормотал Октис, слегка откидывая голову назад — жест, который раньше означал оценку собеседника, а теперь выдавал растерянность.

— А это кто? — Хал кивнул на плечо молодого мужчины, где устроился странный зверёк.

— О, это Пин.

Лисёнок с писклявым звуком перепрыгнул с плеча на плечо Октиса. Существо невозможное, сшитое из разных ча-

стей, как и сам Октис, как и сама их жизнь после этого дня. Шадия уставилась на лисенка, раскрыв рот.

— Ой! — юная орчиха перевела взгляд на мать, но Тайша уже бросила на неё тот самый взгляд — тяжёлый, предупредительный, не терпящий возражений, после чего девочка быстро зашептала. — Прости. Я не знаю, почему я подумала, что ты из «Старого Пути». Он же не из «Старого Пути»...

— Нет, нет, — негромко сказала Тайша, и еще тише добавила — даже не начинай. Я расскажу тебе позже. Но не сейчас. Не здесь.

— Пин, я... я думаю... думаю тебе пора... — Октис щёлкнул пальцами, и лисёнок просто исчез.

— Ах! — громогласно пискнула Шадия.

— Прости. Это... просто... — Октис запнулся, чувствуя себя неловко в чужом доме, среди чужого горя, которое стало и его горем тоже.

— Я пойду за клюквенным рулетиком, — буркнула Шадия и поспешила на кухню.

— Мне так жаль, — Октис растерянно опустил голову.

— Эй, а это вышло весьма неплохо, — мягко отозвалась Тайша. — Правда, хорошо. Отличное начало, ты отлично справляешься.

Хал взял Тайшу под локоть. Его пальцы были тёплыми, крепкими, настоящими.

— Ты останешься?

— Ой... Ой, боже...

Таиша замерла. В этот момент до друидки дошло с ошеломляющей ясностью: она вообще не должна бы быть здесь. Они должны быть на дороге, выезжать из города, мчаться прочь от Дол-Макьяра, от Расколотых Домов, от всего. Да, план провалился, но план был не только в том, чтобы спасти Тьязи. План был в том, чтобы уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.